

Саженина Екатерина Викторовна

К ВОПРОСУ О НЕРЕАЛИЗОВАННЫХ ФАБУЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ В ПОЭМЕ Н. А. НЕКРАСОВА "КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО"

Статья посвящена художественной роли заданных, но нереализованных фабульных возможностей в поэме Н. А. Некрасова "Кому на Руси жить хорошо". По мере воплощения замысла в произведении сохраняются фабульные потенции, которые напоминают о том, что на раннем этапе сюжет не был задуман во всех подробностях, а предоставлен собственному развитию. Нереализованные фабульные возможности "продуцируют" в тексте идею "незавершенности" задолго до того, как работа над поэмой будет прервана смертью автора.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/8-1/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38): в 2-х ч. Ч. I. С. 165-169. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

R. MUSTAFIN AS A LITERARY CRITIC

Sagadullina Gul'chachak Nurgayazovna
Kazan (Volga Region) Federal University
sagadullina1989@mail.ru

The article touches on the activity of R. Mustafin in the sphere of literary criticism and philology in the context of the development of Tatar literary criticism. The author pays special attention to the evolution of his creative potential and indicates the basic distinctive features of the critical works of different periods. The paper reveals the role of R. Mustafin in the development of Tatar literary criticism and presents a brief survey of the major works of R. Mustafin in this sphere of creative writing.

Key words and phrases: philology; literary criticism; Tatar literary criticism; critic; article; comment; literary portraits.

УДК 821.161.1(092)

Филологические науки

Статья посвящена художественной роли заданных, но нереализованных фабульных возможностей в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». По мере воплощения замысла в произведении сохраняются фабульные потенции, которые напоминают о том, что на раннем этапе сюжет не был задуман во всех подробностях, а предоставлен собственному развитию. Нереализованные фабульные возможности «продуцируют» в тексте идею «незавершенности» задолго до того, как работа над поэмой будет прервана смертью автора.

Ключевые слова и фразы: Н. А. Некрасов; «Кому на Руси жить хорошо»; соотношение сюжета и фабулы; сюжетная детализация; возможные сюжеты; сюжетные прогнозы; вариативность сюжета.

Саженина Екатерина Викторовна

Новосибирский государственный педагогический университет
katerinasazhenina@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О НЕРЕАЛИЗОВАННЫХ ФАБУЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ
В ПОЭМЕ Н. А. НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»[©]**

Поэма «Кому на Руси жить хорошо», пожалуй, самое «обширно» описанное произведение Н. А. Некрасова. Казалось бы, такая категория как сюжет, должна была получить более чем детальную разработку в трудах исследователей. Однако долгое время поиски ученых в этом направлении в основном были сосредоточены не на сюжете, а на фабуле поэмы [1; 4; 6; 9]. Но именно на уровне сюжета, понятого как равнопротяженное тексту «авторское, художественно-целесообразное изложение фабулы» [14, с. 41], наиболее ярко проявляются особенности замысла и его реализации в произведении. Эти вопросы особенно актуальны для поэмы Некрасова, если учитывать неоднозначность взгляда исследователей на проблему расположения глав поэмы и вопрос о завершенности / незавершенности этого произведения.

Некрасоведение последних лет все чаще начинает обращаться к вопросу о природе сюжета поэмы. В поисках организующего начала всего повествования особая роль отводится сюжетной детализации. Так, например, В. А. Кошелёв выявляет внефабульные элементы поэмы – «лишние» сценки, «ненужные» для действия персонажи. По мнению исследователя, Некрасов, «начиная «эвободную» поэму... с самого начала предусмотрел серию многозначных –возможностей», очень вариативных с собственно литературной точки зрения» [5, с. 15].

О том, что Некрасов не ставил первоочередной задачей «увязывать фабулу», а был сосредоточен на процессе писания, свидетельствует одно из некрасовских автопризнаний, зафиксированных в воспоминаниях А. С. Суворина: «Эта такая вещь, которая только в целом может иметь свое значение. И чем дальше пишешь, тем яснее представляешь себе дальнейший ход поэмы, новые характеры, картины. Начиная, я не видел ясно, где ей конец, но теперь у меня все сложилось, и я чувствую, что поэма все выигрывала бы и выигрывала» [11, с. 344].

Принципиально то, что на раннем этапе сюжет поэмы не был задуман во всех чертах («Начиная, я не видел ясно, где ей конец»), а предоставлен логике собственного развития («поэма все выигрывала бы и выигрывала»). Следы этого развития сохраняются в тексте поэмы. О том, что сюжет рождается вместе с процессом письма, сигнализируют заданные, но нереализованные фабульные возможности, о художественной роли которых пойдет речь в данной статье.

Описательный аппарат и механизмы интерпретации для сюжетных элементов подобного рода во многом были разработаны в исследованиях, посвященных сюжетной структуре пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин». В 1980 году Н. Е. Меднис в статье «Художественный образ и литературная модель» показала, что сюжетные прогнозы в романе «Евгений Онегин» почти никогда не исполняются, и таким образом утверждается

принципиальная непредсказуемость сюжета, которая и является источником его динамики [7]. Е. С. Хаев, ссылаясь на указанную статью, подчеркивал, что эти сюжетные прогнозы «не исполняются, но и не отводятся автором, а сплошь и рядом повисают в воздухе» [16, с. 87]; при этом потенциальная энергия выдвинутого элемента сюжета не разряжается, а читатель оказывается перед лицом сюжетной неопределенности [16].

Однако перед сюжетной неопределенностью, сформированной заданными, но нереализованными установками, может оказаться не только читатель. В 1990 году выходит статья С. Г. Бочарова о реальном и возможном сюжетах в «Евгении Онегине». Исследователь рассматривает несостоявшиеся возможные сюжеты, «отклоненные автором по творческому выбору» [2, с. 14]. По мнению Бочарова, сохраненный в окончательном тексте возможный сюжет демонстрирует *открытость и неизвестность будущего как для автора, так и для героев* [2].

Отсутствие предварительного плана в процессе работы над поэмой «Кому на Руси жить хорошо» и наличие заданных, но нереализованных фабульных потенциалов в тексте позволяет применить «онегиноведческий» инструментарий к анализу некрасовской поэмы с учетом ее художественных особенностей. В этом плане в некрасововедении совершенно напрасно осталось незамеченным замечание В. А. Кошелева о поэме Некрасова как «варианте –поэмы песен в двадцать пять», о которой полусутоливо писал Пушкин в первой главе «Онегина?» [5, с. 57].

В данной статье мы сосредоточимся на таких фабульных возможностях, как несостоявшаяся проверка всех шести версий о том, кому на Руси жить хорошо, «несработавшее» в поэме нарушение «запрета» птички-пеночки и сама по себе допущенная героями возможность поиска счастливой земли – поиска, который не был выполнен.

В литературе о поэме не раз указывалось на отклонение некрасовских странников от первоначального плана, заявленного в «Прологе», – проверить, счастливы ли помещик, чиновник, поп, купчина, министр и царь. Б. Я. Бухштаб замечал, что если бы сюжет заключался только в опросе кандидатов в счастливые, тогда после части первой, в которой этот сюжет осуществляется, не следовали бы три части, «не движущие фабулу, а ретардирующие ее движение...» [3, с. 34]. А. И. Груздев, В. Г. Прокшин и М. В. Теплинский полагали, что намеченная в «Прологе» фабула остановлена в главе «Сельская ярмонка», где странники начинают искать счастливого из простого народа [4; 9; 12]. Но обратимся к «Прологу» поэмы. Чтобы осуществить задуманный «соцопрос», вовсе не обязательно было ставить задачу «все царство облететь». Кроме того, интенция «дovedать», «кому живется счастливо, вольготно на Руси» [8, с. 15], не содержит конкретики. И, таким образом, проверка всех шести версий дискредитируется уже в «Прологе».

Из потенциальных счастливых, заявленных в первоначальном споре мужиков, опрошены только поп и помещик. Попу и помещику крестьяне задают один и тот же вопрос почти в идентичной форме:

Скажи ж ты нам по-божески:
Сладка ли жизнь поповская?
Ты как – вольготно, счастливо
Живешь, честной отец [Там же, с. 18]?..

и

Скажи ж ты нам по-божески,
Сладка ли жизнь помещичья?
Ты как – вольготно, счастливо,
Помещичек, живешь [Там же, с. 71]?

Для сравнения – Матрене Тимофеевне, которая не входила в список кандидатов, странники задают этот вопрос совсем иначе:

Освободи нас, выручи!
Молва идет всесветная,
Что ты вольготно, счастливо
Живешь... Скажи по-божески:
В чем счастье твое [Там же, с. 128]?

Проверяемых версий, заданных в «Прологе», две. Рассказы попа и помещика занимают первую и последнюю главы первой части. Помещик, названный в «Прологе» первым («Роман сказал: помещику» [Там же, с. 5]), – оказывается последним из опрошенных кандидатов первоначального списка. Кроме того, «помещик» в лице Гаврилы Афанасьевича Оболта-Оболдуева продублирован еще одним «помещиком» – князем Утятиним в главе «Последыш». Версия «помещик», дважды «проверенная», замыкает возможность продолжения опроса. Таким образом, проверка версий, отказ от которой осуществляется уже в «Прологе», полностью себя исчерпывает в части первой. Автор отказывается от этого сюжетного хода уже на первых страницах поэмы.

В «Прологе» задается еще одна, впоследствии нереализованная фабульная возможность, связанная с «запретом» птички-пеночки. Самый мудрый мужик из странников – Пахом, поймав крохотного птенчика, размышляет о том, что даже «пичуга малая» свободнее и сильнее мужика:

Окрепнут скоро крылышки,
Тю-тю! Куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичуга малая!

Отдай свои нам крылышки,
Все царство облетим,
Посмотрим, поразведем,
Поспросим – и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси [Там же, с. 11]?

Птичка-пеночка дает выкуп за птенчика – дарит скатерть-самобранку, но предупреждает:

Смотрите, чур, одно!
Съестного сколько вынесет
Утроба – то и спрашивай,
А водки можно требовать
В день ровно по ведру,
Коли вы больше спросите,
И раз и два – исполнится,
А в третий быть беде [Там же, с. 13-14].

Реализованное превышение нормы оставило бы поэму в русле иронического повествования о счастливом пьянице, которым Некрасов, согласно воспоминаниям Г. И. Успенского, предполагал закончить поэму [15]. Очевидно, авторский замысел изменился, однако, пульсация возможного сюжета сохранилась в тексте. Заданная возможность только намечала структуру сказочного повествования с «замкнутым финалом»: «Обещанная пеночкой “беда” в случае нарушения уговора означала бы конец путешествия семи мужиков и, соответственно, окончательное обретение (или —~~а~~-обретение”) искомого счастливца» [5, с. 57].

Согласно сказочной логике, запрет должен быть непременно нарушен для того, чтобы произошло событие и состоялась завязка: «Запрет, разумеется, нарушается, и этим вызывается, иногда с молниеносной неожиданностью, какое-нибудь страшное несчастье <...> С катастрофой является интерес, события начинают развиваться» [10, с. 133]. Однако в дальнейшем, странствующие мужики всегда знают меру, а в некоторых случаях проявляют себя словно заколдованные пилигримы:

Крестьяне наши трезвые,
Поглядывая, слушая,
Идут своим путем [8, с. 39].

Герои на протяжении развернутого массива текста ни разу не превышают норму, и запрет не нарушается. Также, в отличие от сказочного повествования, заданная установка облегчена некоторой «несерьезностью». Во-первых, сам носитель функции запрещения – птичка – не обладает магической силой, единственное ее преимущество перед героями – это ее способность летать. А во-вторых, обещание «беды», данное птичкой-пеночкой, отличается сниженной стилистикой: просторечное «утроба», фамильярно-разговорная конструкция «сколько – то и спрашивай», создают определенную курьезность ситуации.

Эти особенности преуменьшают сюжетную весомость данной установки и вступают в противоречие с положением В. А. Кошелева о запрете птички-пеночки как свидетельстве того, что Некрасов непременно собирался сюжетно завершить поэму [5]. Вопрос же о том, что именно считать подлинной завязкой произведения и какое событие все же осуществилось в поэме, остается открытым.

Среди нереализованных моделей, заданных в поэме, оказывается и мотив поисков счастливой земли. Легенды о вольных, богатых, праведных, идеальных землях, как замечает К. В. Чистов, были настолько популярны в XVII–XIX вв., что в крестьянской среде предпринимались реальные поиски Беловодья [17]. Надо полагать, поэме о народном счастье такой сюжет более соответствует.

Но отсылка к сюжету о поисках счастливой земли возникает только однажды, когда сами странники определяют объектом поиска

Непоротую губернию,
Непотрошенной волости,
Избыткова села [8, с. 90]!

С помощью возникшей параллели с сюжетом о Беловодье в тексте задается принципиальное отличие некрасовского сюжета: странники ищут не счастливую землю, но конкретного субъекта – «Кому живется счастливо...». При этом возможность воплощения индивидуального счастья появляется только на уровне «рассказа». Странствующие герои находят авторов слова, потенциальных счастливцев, которые создают свой текст о счастье:

Докладывай, доказывай
Сперва, чем счастлив ты [Там же, с. 55]?
Счастье, согласно сюжетной логике, можно только рассказать:
Налить? Да где ж тут счастье?
Мы потчuem счастливого,
А ты что рассказал [Там же, с. 53]!

Неудивительно, что странники так и не находят «рассказанное» счастье, «невоплотимое» по определению.

Кроме того, Некрасову важна ситуация спора как столкновения версий – смысловое напряжение, которое впоследствии станет основой главы «Пир на весь мир». Спорить же о счастливой земле невозможно, так как легенда априорно предполагает знание, которое не подлежит сомнению и не требует подтверждения. Поэтому заданный в «Последыше» мотив поисков счастливой земли не разворачивается в сюжет.

Примеры отступлений от заявленной сюжетной логики и несбывшихся прогнозов можно приводить еще. Но важно, что отказ от заданных фабульных моделей происходит уже в процессе создания текста. При этом они сохраняются в произведении и являются дополнительными знаками невозможности окончательного ответа на вопрос о счастье. Авторская интуиция в поисках ответа на поставленный вопрос, экзистенциальный по сути, выбирает те художественные формы, которые не предполагают однозначных ответов. В этом смысле можно согласиться с Теплинским, усматривающим причину незавершенности поэмы «не только в преждевременной смерти автора» [13, с. 424].

Если гибкая и открытая сюжетная структура поэмы способна вместить в себя альтернативные фабульные возможности, то, по аналогии с описанием фрагментарности «Евгения Онегина», которое дает Е. С. Хаев, можно сказать, что сюжет поэмы «Кому на Руси жить хорошо» оказывается сложным «из фрагментов нескольких виртуальных сюжетов, ощутимых читателем как —спрашивающиеся» [16, с. 93]. Поэтому и в вопросе о последовательности частей нужно иметь в виду всю вариативность некрасовского сюжета, которую не следует заковывать в неподвижную формулу.

Таким образом, в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» обнаруживается ряд заданных фабульных возможностей, не обладающих сюжетным потенциалом. В отличие от возможных сюжетов пушкинского романа, сюжетосложение некрасовской поэмы включает не столько возможные сюжетные линии, сколько точно намеченные векторы сюжетного развития, нулевые возможности, которые изначально вводятся в текст не для того, чтобы впоследствии быть наверняка реализованными. Они дискредитируются с момента своего появления в тексте и не могут превратиться в событие. Нереализованные фабульные возможности оказываются «структурными элементами» становящегося целого, само эстетическое качество которых имплицитно содержит и «продуцирует» в тексте идею «незавершенности» задолго до того, как работа над поэмой будет прервана смертью автора. Следовательно, незавершенность поэмы «Кому на Руси жить хорошо» становится принципиальной чертой динамической целостности произведения.

Список литературы

1. **Беседина Т. А.** Изучение поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» в школе. Вологда: Вологод. пед. ин-т, 1974. 207 с.
2. **Бочаров С. Г.** О реальном и возможном сюжете («Евгений Онегин») // Динамическая поэтика. От замысла к воплощению: сб. ст. / Академия наук СССР, Институт мировой литературы; отв. ред. З. С. Паперный, Э. А. Полоцкая. М.: Наука, 1990. С. 14-38.
3. **Бухштаб Б. Я.** О конструкции поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Жанр и композиция литературного произведения: межвуз. сб. Петрозаводск: ПГУ, 1981. С. 25-40.
4. **Груздев А. И.** Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». М. – Л.: Художественная литература, Ленингр. отд-ие, 1966. 119 с.
5. **Кошелев В. А.** К типологии поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (Н. А. Некрасов и И. С. Аксаков) // Карабиха: ист.-лит. сб. [о Н. А. Некрасове]. Ярославль, 1997. Вып. 3. С. 5-58.
6. **Краснов Г. В.** Изображение народа в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» («Пролог», «Часть первая») // О Некрасове: сб. статей. Ярославль, 1958. С. 99-134.
7. **Меднис Н. Е.** Художественный образ и литературная модель (по произведениям Пушкина 30-х гг.) // Болдинские чтения. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1980. С. 48-59.
8. **Некрасов Н. А.** Полн. собр. соч. и писем: в 15-ти т. Л. – СПб.: Наука, 1981-2000. Т. 5. 686 с.
9. **Прокшин В. Г.** О композиционно-сюжетных особенностях эпопеи «Кому на Руси жить хорошо» // Некрасовский сборник. Л.: Наука, 1967. Т. IV. С. 97-112.
10. **Пропп В. Я.** Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки: собрание трудов В. Я. Проппа / коммент. Е. М. Мелетинский, А. В. Рафаева; сост. И. В. Пешков; науч. ред. И. В. Пешков. М.: Лабиринт, 1998. 512 с.
11. **Суворин А. С.** Из «Недельных очерков и картинок» // Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1971. С. 340-348.
12. **Теплинский М. В.** Изучение авторского замысла поэмы «Кому на Руси жить хорошо» в современном литературоведении // Некрасовский сборник. Л.: Наука, 1983. Т. VIII. С. 123-139.
13. **Теплинский М. В.** Наследие Некрасова и вопросы развития советской поэмы // Некрасов и литература народов Советского Союза. Ереван: Изд-во Ереванск. ун-та, 1972. С. 418-435.
14. **Тюпа В. И.** Анализ художественного текста: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подгот. «Филология». М.: Academia, 2008. 331 с.
15. **Успенский Г. И.** Кому на Руси жить хорошо (Письмо в редакцию) // Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1971. С. 374-315.
16. **Хаев Е. С.** Проблема фрагментарности сюжета «Евгения Онегина» // Хаев Е. С. Болдинское чтение: статьи, заметки, воспоминания / сост., ред., примеч. Г. Л. Гуменная, В. С. Листов. Н. Новгород: ННГУ, 2001. С. 85-94.
17. **Чистов К. В.** Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1967. 341 с.

ON THE PROBLEM OF UNREALIZED PLOT POTENTIALS IN THE POEM
BY N. A. NEKRASOV "WHO IS HAPPY IN RUSSIA?"

Sazhenina Ekaterina Viktorovna
Novosibirsk State Pedagogical University
katerinasazhenina@yandex.ru

The article is devoted to the artistic role of the outlined but unrealized plot potentials in the poem by N. A. Nekrasov "Who Is Happy in Russia?" During the implementation of an idea the work preserves the plot potentials which remind that at the early stage the plot was not worked out in every detail but left to develop on its own. Unrealized plot potentials "produce" in the text an idea of "incompleteness" long before the death of the author will break the work on the poem.

Key words and phrases: N. A. Nekrasov; "Who Is Happy in Russia?"; correlation of subject and plot; subject specification; possible subjects; subject forecasts; variability of a subject.

УДК 372.881.111.1

Педагогические науки

Статья посвящена проблеме профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Представлен опыт преподавания курса «Публичное выступление на английском языке» будущим бакалаврам направления «Экология и природопользование», накопленный автором в Государственном университете управления. Приводятся примеры заданий, которые используются для осуществления контроля.

Ключевые слова и фразы: профессионально-ориентированное обучение иностранному языку; презентация; публичное выступление; языковые навыки; коммуникативные умения; контроль.

Салынская Татьяна Владимировна, к. филол. н.
Государственный университет управления (г. Москва)
salynskayatatiana@mail.ru

**ОБ ОПЫТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «ПУБЛИЧНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ
НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ» В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ[©]**

Одной из наиболее важных особенностей современного развития общества является востребованность знания иностранного языка. В настоящее время широко обсуждается вопрос о преобразованиях в системе российского образования на всех его ступенях. Интеграция России в единое европейское общеобразовательное пространство, процесс реформирования и модернизации отечественной системы образования привели к переосмыслению целей, задач и содержания обучения иностранным языкам. Кроме того, подписание Болонской декларации вызвало многие трансформационные процессы: переход на двухступенчатую систему образования, введение кредитных единиц, мобильность. Задача овладения иностранным языком вписывается в общую цель вузовского образования, которая заключается в формировании зрелой гражданской личности, обладающей системой ценностей, взглядов, отражающих концепты родной и мировой культуры. Следует заметить, что иностранный язык является обязательным компонентом и у бакалавров, и у магистров и входит в так называемый общекультурный компонент.

Опираясь на примерную программу по дисциплине «Иностранный язык» для подготовки бакалавров в неязыковых вузах, можно констатировать, что выпускники со степенью бакалавра должны владеть профессионально ориентированной межкультурной коммуникативной компетенцией на уровне В1 (так называемый пороговый продвинутый уровень по общеевропейской шкале), который предусматривает такую степень сформированности коммуникативных умений во всех видах речевой деятельности, которая позволяет пользоваться иностранным языком в общении с иностранцами, в том числе в профессиональных целях [1, с. 4]. Внедрение новых образовательных технологий, ориентированных на широкое использование активных методов обучения, способствует углублению профессиональной ориентации учебного процесса. Необходимо помнить, что важно сформировать у студента:

- ответственность за ход и результаты овладения иностранным языком;
- сознательность в организации собственной учебной деятельности;
- самостоятельность и креативность при выполнении заданий;
- активное участие в определении динамики своих достижений [Там же, с. 7].

Овладев основами общего английского языка на первом этапе обучения, пройдя курс делового английского на втором, студенты Государственного университета управления готовы к изучению профессионального английского на третьем этапе посредством расширения специального контекста, усложнения дидакти-